

## КРАТКАЯ РУССКАЯ ПРАВДА

(по Академическому списку половины XV в.)

### Правда росьская

1. Оубъеть моужь моужа, то мьстити братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоучадоу (а), либо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще боудеть роусинъ, либо гридинъ, либо коупчина (б), либо ябетникъ, либо мечникъ, аще (в) изъгой боудеть, либо словенинъ, то 40 гривенъ положить за нь.

*К ст. 1.* В Археографическом списке: а) братоучада, б) коупце, в) аще ли.

Большинство исследователей считают слова: «аще боудеть роусинъ... то 40 гривенъ положить за нь» – позднейшей припиской к первоначальному тексту Правды. Но весь конец статьи может быть прочтен таким образом: «аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову, аще боудеть роусинъ, либо гридинъ, либо коупчина, либо ябетникъ, либо мечникъ, аще изъгой боудеть, либо словенинъ, то 40 гривенъ положить за нь». При таком чтении смысл статьи заключается в установлении при отсутствии мстителя 40-гривенной виры за убийство людей, находившихся под княжеской защитой. Под словом русин многие дворянско-буржуазные историки, начиная с Н.М.Карамзина, ошибочно понимали варягов. Русин – житель Киевской Руси, так как новгородцы называли Русью именно Киевскую и прилежащие к ней земли. Так как Древнейшая Правда, вероятно, дана была в Новгороде, или Киеве, то она ставит русина-киевлянина под княжескую защиту, как и княжих людей (гридин, ябетник, мечник) и купцов. Слова: «аще изъгой боудеть, либо словенинъ, то 40 гривенъ положить за нь» – вероятно, являются припиской, сделанной в Новгороде; словенин означал новгородца. Характерное повторение слов аще, вместо – либо, и 40 гривен также указывают на вставной характер этой фразы.

Статья ограничивает кровную месть кругом родственников. В 1071 г. расправа с волхвами на Белоозере была произведена тоже близкими убитых. «И рече Янь (воевода) повозником: «ци кому вас кто родинъ убьень от сею?» Они же реша: «мне мати, другому сестра, иному роженъе». Онъ же рече имъ: «мьстите своихъ». Они же поимше, убиша я и повесиша я на дубе» (ПВЛ, 119). Таким образом, месть производилась по судебному решению. В случае отсутствия мстителя или его нежелания мстить, за княжеского человека платилось 40 гривен. Из дальнейшего (см. 4-ю статью Пространной Правды) видно, что вира (пеня в пользу князя за убийство) выплачивалась в 40 гривен князю, в отличие от головничества, вознаграждения близким убитого. По закону вестготов в Швеции XIII в.: «если убийца не платит выкупа, то он должен скрыться в лес, каждому, кто позволит себе встречу и общение с ним, ест и пьет с ним, грозит пеня в 3 марки» (Щепкин Е.Н. Варяжская вира, стр.107).

2. Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока човекоу томоу: аще не боудеть на немъ знамения никотораго же (а), то ли (б) приидеть (в) видокъ; аще ли (г) не можетъ, тоу (д) томоу конецъ; оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривне, а летцю (е) мзда.

*К ст. 2:* а) никоегоже, б) аще ли, в) привести, г) вместо «аще ли» – а он д) ино тоу е) личицю.

Здесь устанавливается ответственность за нанесение побоев. Видимые знаки побоев (кровь или синяки) являются достаточным доказательством, поэтому показаний свидетеля (видока) не требуется. При отсутствии знаков (знамения) дело прекращается. Вторая часть статьи заменяет месть 3 гривнами, которые обидчик платит за нанесенные побои вместе с вознаграждением лекарю. Слова «а летцю мзда» – находят почти полную аналогию в «Слословце» Геннадия, где читаем: «и атше и лечьць прилучиться, ты дай же мзду ицеления его ради» (Пономарев А.И. Памятники церковноучительной литературы, вып. III, стр.10). Не вполне понятно, в чем должна заключаться месть (оже ли себе не можетъ мьстити). В этой же статье впервые находим термин за обиду, под которым некоторые ученые готовы понимать штраф в пользу князя. Это толкование опровергается, однако, самим текстом: взяти емоу за обиду.

3. Аще ли кто кого оударить батогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то

платити емоу, то тоу конець.

Статья имеет близкое сходство с текстом договора Игоря с греками 945 г, в котором читаем: «аще ударить мечемъ или копьемъ, или кацемъ любо оружьемъ Русинъ Гръчина или Гръчин Русина, да того деля греха заплатити сребра литр 5, по закону рускому» (ПВЛ, 38). Слова: «аще сего не постигнуть» – Гетц переводит: «wenn man aber diesen (Schuldigen) nicht ergreift» (1, 7), т.е. если его не поймали. Смысл статьи в том, что если обидчик не был схвачен на месте преступления и ему тотчас не отомстили, то дело кончается денежной пеней. В Пространной Правде так и сказано: «не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нетуть».

4. Аще оутнеть мечемъ, (а) не вынемъ а его, либо роукоятью, то 12 гривне за обиду.

*К ст. 4. а) вынезь.*

5. Оже ли оутнеть роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнеть, то 40 гривенъ. Аще боудеть нога цела или начьнеть храматн, тогда чада (а) смирать.

*К ст. 5. а) чадъ.*

Здесь явный пропуск; после слов: «оже ли оутнеть роукоу... то 40 гривенъ», – вероятно, следовало повторение фразы с одним только изменением объекта увечья – «оже ли оутнеть ногу, и отпадеть нога, любо оусохнеть, то 40 гривенъ...» Повторяемость фразы могла вызвать пропуск при переписке, примеров чему немало в рукописях. Но и в этом случае слова: «тогда чада смирать» – малопонятны, вариант: чадъ (челядь) еще менее приемлем. А.И.Соболевский предлагает поправку: «ся да смирать», то есть пусть помиряются, но такая описка со стороны писца мало вероятна. Эверс придает словам значение мести детей за отца, в чем ему следует Гетц (dann züchtigen die Söhne (Schuldigen)). Но и в этом случае смысл не ясен. Глагол «смирать» употреблялся в значении мести, укрощения: «зане князи не смирать властителей» (Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Одесса, 1893, стр.265). Однако Пресняков считает, что этот глагол мог применяться и в смысле «примирять», приводя английский закон Этельберта с аналогичной статьей: «если сломят бедро, то штраф в 12 шил., а если начнет хромать, то друзья решат» (Русская Правда, т. II, стр.73).

6. Аще ли персть оутнеть которыи (а) любо, 3 гривны за обиду.

*К ст. 6. а) кои.*

7. А во оусе 12 гривне, а в бороде 12 гривне.

8. Оже ли кто вынезь (а) мечь, а не тнеть, то тьи гривноу положить.

*К ст. 8. а) вынемъ.*

В статьях 6–8 находим пени за обиды, причем повреждение, нанесенное усам и бороде, оценивается дороже отрубленного пальца, наравне с наиболее тяжелым оскорблением.

9. Аще ли ринеть моужь моужа любо от себе, любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу.

По мнению М.Ф.Владимирского-Буданова, «личное оскорбление должно быть доказано посредством двух видоков (свидетелей); но для варяга или колбяга делается исключение; они могут доказывать личною присягою. Очевидно, что этими названиями обозначаются вообще иностранцы, которым не легко было найти послухов на чужой земле». (Хрест., вып.1, стр.27, прим.14). Такого же взгляда держался и Н.В.Калачов. Варяг, как это давно доказано, – житель Скандинавии. Под названием колбягов следует понимать нерусских, но не обязательно скандинавов, как это считали А.И.Соболевский, А.А.Шахматов и другие (см. Русская Правда, II, 85–86). Следы колбягов остались до сих пор в географических названиях на северо-западе Советского Союза, ср. Колбъ, Колпино и т.п. (Е.Ф.Карский, 99). По писцовым книгам конца XV в. в Обонежской пятине известен погост «Климецкой в Колбегах» (бассейн реки Сясь). Следовательно, колбяги жили в Новгородской области (К.А.Неволин. О пятинах и погостах новгородских, стр.164). Варяги и колбяги могли жить особыми общинами, как позже немцы в Новгороде. В исландском географическом памятнике XII в. землей колбягов (кольфингров) названа Русь или царство Гардарики: «земля кольфингров (Kylfingaland), которую мы называем царством Гардарик (terra kylvingorum, quam vocamus regnum Gardorum). Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais». Tome II. Copenhague, 1852, p.401. Уже Д.Н.Дубенский отметил одну дополнительную статью в Русской Правде, где указывается на колбягов, как

язычников. Возможно, что под колбягами вообще понимались народы севера, жившие в Новгородской и окрестных с ней землях. Например, при описании границ Карелии в конце XVI в. упоминается местность с названием Kolhangingvaara (I.A.Sjögrens Historisch-Ethnografische Abhandlungen über finnisch-russischen Norden. S.Petersb., 1861, стр.135–136). В русских памятниках XVI в. слово «колпъ» обозначало сказочную птицу сирина в значении легендарного существа (И.И.Срезневский. Материалы, т.I, 1258).

10. Аще ли (а) челядинъ съкрыется (б) любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и в третии день, то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривне за обиду.

*К ст. 10. а) или, б) съкрыться.*

Смысл статьи заключается в том, что варяги и колбяги должны выдать укрывающегося у них челядина в течение 3 дней; за невыдачу челядина в этот срок они платят 3 гривны.

11. Аще кто поедеть на чюжемъ коне, не прошавъ его, то положити 3 гривне.

М.П.Погодин (и ранее его Н.М.Карамзин) приводил эту статью в доказательство заимствования Русской Правды из скандинавских законов. «В ютландских законах читаем: „Если кто поедет на лошади другого мужа без его согласия, ...тот платит за это 3 марки пострадавшему“» (М.П.Погодин, Исслед. и лекции, т.III, 381–382; Н.М.Карамзин – ИГР, т.II, прим.91). Но то же самое читаем в Законе судном людем: «Аще кто бес повеления на чюжемъ коне ездить, да ся тепеть по три краты, и да тепеть и продасться, яко и тать» (Рус. дост., ч.II, стр.168). Таким образом, можно считать, что сходство этой статьи с законами других стран чисто внешнее. Л.В.Черепнин считает, что эта и предыдущие статьи объясняются тем, что Правда Ярослава является договором, «по которому в результате ограничения самоуправления вооруженной корпорации варяжской дружины должны были получить гарантию местных интересов» (Л.В.Черепнин. Русские Феодальные архивы, часть первая, 245). Поэтому все статьи Правды, рассмотренные выше, он считает посвященными «столкновениям военной наемной дружины и городского населения. Перед нами общество вооруженных воинов в обстановке лагерного быта и постоянной внутренней вражды» (244). Но при таком понимании Древнейшей Правды резко снижается ее значение, как памятника русского законодательства. Самим варягам придается чрезмерно большое значение, как главной княжеской опоры. Варяги-воины как бы противопоставляются мирному новгородскому населению, что совершенно не соответствует действительности, так как даже былины сохранили память о вооруженных столкновениях и ссорах на пирах. В Псковской Судной грамоте имеется статья «о бою и грабежу», по которой полагалось прежде всего выяснить, где пострадавший «будет обедал» (Псковская Судная грамота, ст.5). Нарочитые новгородские мужи, которые уничтожили варягов в Новгороде, перебили их не обманом, а вооруженной силой. Новгородская летопись подчеркивает, что после победы над Святополком новгородцы получили по 10 гривен, а смерды – по 1 гривне на человека. Оружие было такой же неотъемлемой принадлежностью новгородцев, как и варягов. Поэтому надо считать, что Правда Ярослава относится к новгородцам, а не является «договором» с варягами, напомиавшим, по мнению Л.В.Черепнина, «позднейшие взаимоотношения новгородцев с отрядами вооруженного немецкого купечества» (там же, 245).

12. Аще пойметъ кто чюжь конь, любо ороужие, любо портъ, а познаеть въ своемъ мироу, то взята емоу свое, а 3 гривне за обиду.

Б.Д.Греков так толкует эту статью: «1) мир – это, несомненно, община-вервь, 2) община имеет определенные границы, которые учитываются законом при разыскивании пропавших вещей; 3) тот, кто ищет свою пропавшую вещь, т.е., по нашему предположению, в данном случае муж-рыцарь, связан со «своим миром» (Греков, 89). С первыми двумя определениями Б.Д.Грекова о мире, как общине-верви с определенными границами, можно вполне согласиться.

О значении слова «вервь» будет сказано ниже (см. примечание к ст.19). Что касается слова «мир» в значении общины, то оно употреблялось на русском севере еще в XIX в. (отсюда – «мирской сход», т.е. собрание крестьян-общинников) и пр. «Миру» Древнейшей Правды соответствует «вервь» Пространной (см. Греков, 85). Однако толкование, что «тот, кто ищет пропавшую вещь», это обязательно «муж-рыцарь», следовательно, феодал, является очень спорным. В жалованной грамоте новгородского веча Терпилову погосту 1411 г. термины «крестьянин» и «мирянин» однозначны: «а хто крестьянинъ Терпилова погоста в Двинскую слободу воидеть, ино ему мирянину тянути в Двинскую слободу» (Грамоты Великого Новгорода, стр.146). Община была крепкой в Новгородской и Псковской землях даже в XV столетии.

Поэтому нет оснований настаивать на том, что речь идет о тяжбе мужей-рыцарей с общиной, а не о судебном разбирательстве внутри самого «мира» – общины (в данном случае «мир» может обозначать не только крестьянскую общину, но и городскую – улицу, конец в Новгороде), тем более что речь идет о вещи, обнаруженной в «своем» мире, к которому феодал не принадлежал.

13. Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое, нъ рци емоу тако: поиди на сводъ, где еси взялъ; или не поидеть, то пороучника за пять днии.

Эта статья сохранилась в более полном и исправном виде в Пространной Правде (см. статью 29). Запрещается самовольно отнимать пропавшие вещи и предлагается идти на свод, характер которого разъясняется далее в ст.15. Поручительство известно на Руси с древнейшего времени. В «чудесах Николая» (русский памятник XII в.) пленник говорит половцу: «ты веси, господине, яко несть кто поручаясь по мне». (Леонид. Посмертные чудеса св. Николая, стр.47). Поручитель должен быть поставлен в течение 5 дней. О том, что собой представлял свод, см. примечание к статье 15.

14. Аже где възыщеть на друuze проче, а он ся запирати почнеть (а), то ити ему на изводъ пред 12 человека (б); да аще боудеть обидя не вдаль боудеть (в) достойно емоу свои скоть, а за обиду 3 гривне.

*К ст. 14. а) начать, б) мужа, в) «боудеть» нет.*

М.Ф.Владимирский-Буданов переводит эту статью так: «Если кто будет искать на другом долга, а должник начнет запирается, то идти ему на извод перед 12 человеками; если окажется, что должник злонамеренно не отдавал должных ему денег, то взыскивать за обиду 3 гривны» (Хрестоматия, вып.1, стр.28, прим.19). Такое же толкование дает и Гетц. С.Г.Струмилин примерно так же переводит первую часть статьи, но вторую толкует по-иному: «если же окажется, что истец действительно не давал ответчику тех денег, которых злонамеренно хочет, то за обиду с него 3 гривны» (Струмилин. Договор займа, 26). Но при таком понимании статьи остается непонятным, что значат слова – «достойно ему свои скот», так как слово «скот» обозначало не только деньги, но и имущество. При всех толкованиях исследователи не объясняют, что значит «проче», так как слово «прок» означает остаток (Срезневский. Материалы, II, 1540). Речь идет об остатке имущества, который требует владелец с ответчика после окончания свода. В случае если ответчик скроет часть имущества (обидя не вдаль боудеть), то платит 3 гривны. Извод следует отличать от свода. Свидетельство 12 мужей было постоянным явлением в славянских землях. В Законе Судном людем имеется статья: «Попъ иже бываетъ въ послушестве за 12 мужъ», т.е. свидетельство попа приравнивается свидетельству 12 мужей. (Рус. дост., II, 182). Попытка проф. Суворова объявить Закон Судный людем памятником западноевропейского происхождения оказалась неудачной. В договоре Новгорода с Немцами около 1195 г. находим постановление, тождественное с Древнейшей Правдой: «Оже емати скоть варягу на русине или русину на варязе, а ся его заприть, то 12 мужъ послухы, идеть роте, възметь свое» (Рус-Лив. А., стр.1–2). В имеющейся литературе нет договоренности о том, кем были 12 человек, перед которыми полагалось идти на извод. При этом обычно приводятся ссылки на скандинавские и английские порядки (см. Русская Правда, II, 105–109). Но 12 человек Русской Правды можно сопоставить с институтом поротников по Законнику Стефана Душана, которые выставлялись в количестве 12 или 24 человек: «и ти-зи поротници да не су вольны никога умирить, разве оправить и окривить» (Svod sakonuv slovanskyh, 299). Статьи 13 и 14 показывают значительную развитость правовых норм на Руси и близость их к правовым нормам южных славян.

15. Аще кто челядинъ пояти (а) хоцеть, познавъ свои, то къ ономоу вести (б), оу кого то боудеть коупиль, а тои ся ведеть ко друугому, даже доидеть (в) до третьего, то рци третьемоу: вдаи ты мне свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоце.

*К ст. 15. а) поняти, б) вести, и в) и доидеть.*

Свод заключался в том, что владелец украденной вещи должен был указать, у кого он ее приобрел, тот в свою очередь указывал на третьего; на третьем свод кончался. Третий отдавал украденного челядина, а свои деньги искал уже с помощью свидетелей. Как доказательство невинности свод употреблялся в южнославянских землях. В грамоте сербского короля Душана XIV в. читаем: «а кои любо тръговць (т.е. торговец) довед коне купив ис туге земле, а познаюсе, да се кльне тзи тръговць сам други, ере (что) га есть купиль у тугей землии не зна тати, ни гусара (разбойника), да не дае свода за тази»... В Грамоте короля Уроша V того же века... «и

сводь коньскый и иных добытькъ» (А.Майков. История сербского языка, стр.112).

16. Или холопъ оударить свободна моужа, а бежить (а) въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его, то холопа пояти, да платитъ господинъ за нь (б) 12 гривен; а за тымъ, где его налезоутъ оудареныи тои моужь, да бьютъ его.

*К ст. 16. а) оубежить, б) вместо: «господинъ за нь» – «за него господин его».*

В так называемом Ростовском списке Русской Правды, который был известен Татищеву (Прод. Др. Росс. В., часть 1, Спб., 1786) стояло: «то холопа не яти». Так первоначально читался текст и Древнейшей Правды, как показывает Пространная Правда. Господин за укрывательство холопа платил 12 гривен, а за обиженным оставалось право убить холопа при первой встрече. В Пространной Правде яснее: «а господинъ его не выдасть». Смысл статьи: если холоп ударит свободного мужа и скроется в хоромах, а господин его не выдаст, то холопа не брать, а господин платит за него 12 гривен; если же обиженный встретит потом холопа, то может его убить (по другому предположению – бить).

17. А иже изломить копье, любо щить, любо портъ, а начнетъ хотети его деръжати оу себе, то приати скота оу него; а иже естъ изломилъ, аще ли начнетъ приметати, то скотомъ емоу заплатити, колько даль боудеть на немъ.

Эта статья имеет аналогию в дополнительных статьях к Закону судному людем, повидимому, возникших на Руси (см. стр.121): «иже изломить дроугоу копие, или щить, или топоръ, да аще оу себе начнетъ хотети дръжати, то приати ино что оу него: аще ли начнетъ инемъ чимъ емоу заплатити предъ чядию, иже начнетъ ведати, колке боудеть даль на немъ». Смысл статьи заключается в праве потерпевшего получить за испорченную вещь (указывается оружие – копье, щит, топор). Следует отметить, что толкователи и комментаторы Русской Правды переводят слово «приметати» в смысле возвращать (Мрочек-Дроздовский) или оставляют его без перевода. Между тем это слово, по словарию Срезневского, обозначает побуждать, а близкое к нему «приметывати» – подкидывать, подбрасывать (Срезневский. Материалы, II, 1430).

Правда оуоставлена роуьскои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула.

О лицах, здесь перечисленных, известно следующее. Изяслав, Всеволод, Святослав – дети Ярослава Мудрого; действительное их старшинство было – Изяслав, Святослав, Всеволод. Изяслав был киевским князем в 1054–1073 гг., в 1073 г. был изгнан из Киева Святославом и вновь сидел в Киеве в 1076–1078 гг.; Святослав, вначале черниговский князь, в 1073–1076 гг. был князем в Киеве, где и умер; Всеволод был переяславским князем, а потом в 1078–1093 гг. – киевским. Коснячко был воеводой Изяслава во время киевского восстания 1068 г., когда его двор был razoren. Перенег – неизвестен, но уменьшительное имя Перенежько указано в Ипатьевской летописи под 1213 г. (следовательно, нельзя думать, что в тексте стояло печенегъ). Киевский двор Микифора упоминается в летописи под 945 г., но в известии второй половины XI в. Чюдин в 1072 г. «держал» Вышгород. Микула упомянут как «старейшина огородником» в Вышгороде в те же годы (Сказание о перенесении мощей Бориса и Глеба – по Успенскому сборнику XII в.). Таким образом, кроме князей, в совещании принимали участие два киевских и два вышгородских мужа. В Поучении Владимира Мономаха слово «совокупится» прилагается к княжеским съездам. В академическом издании «Чюдин Микула» ошибочно признаны за одно лицо. Слова «правда оуоставлена роуьскои земли» указывают на официальное происхождение Правды Ярославичей, как княжеского устава. Правда Ярославичей была составлена в 1072 г. и была ответом феодалов на волнения смердов и горожан в 1068–1071 гг., чем объясняются высокие платежи за убийство княжеских людей и порчу княжеского имущества. По мнению М.Н.Тихомирова, к Правде Ярославичей относятся только статьи 18–26, а остальные дополнены позже (Тихомиров, стр.64–67). К этому предположению присоединяется Юшков (Русская Правда, 303–305).

18. Аще оубьютъ огнищанина (а) въ обиду, то платити за нь (б) 80 гривенъ оубиини (в), а людемъ не надобе; а въ подъездномъ (г) княжи 80 гривенъ.

*К. ст. 18. а) огнищанинъ, б) за него, в) оубиини, г) ездовомъ.*

За огнищанина, убитого в обиду, платит только убийца, а не люди. Эта статья Правды Ярославичей становится понятной, если вспомнить, что Правда возникла в условиях борьбы феодалов с крестьянами и горожанами. Слова «а людемъ не надобе», по предположению Ланге

(99–106), относятся к верви, общине, но слово «люди» в древнерусских памятниках чаще употребляется в применении к горожанам. Поэтому рассматриваемая статья с таким же правом может относиться к киевлянам, восставшим против князя и его администрации в 1068 г. Слова «в обиду» обычно переводятся, как «несправедливо» или «умышленно». Соболевский (620–621) предлагает другое чтение – «за обиду». В таком случае вся статья может быть переведена так: «Если убьют огнищанина за обиду, то платить за него 80 гривен убийце, а людям не надобно». Подъездной князь – сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений. По мнению Б.Д. Грекова, этот термин произошел от слова *подъезд*, что обозначает право приезда феодала для получения причитающихся ему взносов, иногда самый взнос в пользу феодала: *подъездное* – одна из торговых пошлин, *подъездчик* – сборщик подъездного.

19. А иже оубьютъ огнищанина в разбои, или (а) оубица не ищоутъ (б), то вирное платити, в ней же вири (в) голова начнеть лежати.

*К. см. 19. а) а, б) изыщоутъ, в) в подлиннике слово «вири» написано по подчищенному; возможно, что раньше было «верней». В Археограф. «верней».*

Текст этой статьи оставлен комментаторами почти без объяснения (Русская Правда, II, 148–153). Смысл статьи в ответственности общины за убийство княжеского мужа – огнищанина, найденного или убитого на ее территории. В Академическом списке на месте позднейшего «вири», вероятно, стояло «верней», как в Археографическом. «Вирное» известно по откупной Обонежской грамоте 1434 г., как судебная пошлина, но в данном случае значение этого слова неясно. Слова «или оубица не ищоутъ» говорят об отказе, в некоторых случаях о прямом сопротивлении поискам убийцы со стороны населения, что указывает на обострение классовой борьбы (П.П. Епифанов).

20. Аже оубиють огнищанина оу клети (а), или оу коня, или оу говядя, или оу коровье (б) татьбы (в), то оубити въ пса место; а то (г) же поконъ и тивоунищоу.

*К. см. 20. а) клите, б) коровьи, в) татбе, г) тои.*

Текст статьи может вызвать вопрос, кого следует убить, как пса, – ворующего огнищанина или убийцу огнищанина, защищавшего княжеское имущество. М.Ф. Владимирский-Буданов пишет: «дозволение убивать огнищанина и тиуна, захваченного на месте преступления (татьбы), распространено на всех и дополнено ограничительными условиями». Так же понимает этот текст Гетц (II, 13). Своеобразное понимание этой статьи дает Б.А. Романов: «вооруженный грабеж на территории княжеской усадьбы, при котором жертвою пал огнищанин, а вооруженный грабитель убивается, без суда, на месте» (Русская Правда, II, 158). Такое толкование основано только на неясности фразы: «аже оубиють огнищанина... то оубити въ пса место», – как будто речь идет о каком-то новом лице. Но такое же построение фразы находим и дальше (ст. 38): «аже оубьютъ татя... то тои оубить». В проекте договора Смоленска с немцами в пол. XIII в. имеется такая фраза: «оже имуть роусина вольного оу вольное жены въ Ризе или на Гътьскомъ березе, оже оубьютъ, и ттъ оубить». Статья становится понятной, если ее рассматривать в связи с восстаниями крестьян и горожан в 1068–1071 гг.

21. А въ княжи тивоуне 80 гривенъ. А конюхъ старьи оу стада (а) 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своем конюсе, его же оубиле Дорогобоудьци.

*К. см. 21. а) а конюхъ оу стада старьи.*

Ссылка на постановление Изяслава означает, что Правда Ярославичей опиралась на предыдущие отдельные постановления князей. Дорогобуж – город в Волынской земле. Убийство конюха и постановление Изяслава может относиться к 1069 г., когда Изяслав возвращался с войсками из Польши в Киев, подавляя крестьянские восстания в Волынской и Киевской землях. Это является прямым указанием, что Правда Ярославичей возникла вскоре после киевского восстания 1068 г.

22. А въ сельскомъ старосте княжи и в ратаинемъ 12 гривне. А в рядовници княже 5 гривенъ.

23. А въ смерде и въ хопе (а) 5 гривенъ.

*К. см. 23. а) А в смердь и в холопе.*

Здесь перечислены княжеские люди. «Очевидно, ближайшим помощником феодала по управлению селом был тиун или сельский староста, иногда называемый в церковных владениях посельским (точный перевод *villicus*) или приказчиком. В свою очередь помощниками тиунов были старосты ратайные, очевидно, руководившие полевыми работами холопов... ближайшими помощниками тиунов (сельских старост) были рядовичи, мелкие хозяйственные агенты, наблюдавшие, вероятно, за отдельными отраслями хозяйства». (Юшков, 130). Б.Д.Греков видит в рядовичах зависимых людей и считает их разновидностью закупов (Греков, 185–189). В Слове Даниила Заточника читаем: «тиун бо его (князя), яко огонь трепетицею накладень, а рядовичи его, яко искры». В этом тексте рядовичи не обязательно должны обозначать мелких хозяйственных агентов, а просто зависимых людей, как думает Греков. Поэтому за рядовича вира установлена, как за смерда и холопа, в 5 гривен. Рядович путем договора «становится принадлежностью зависимого населения вотчины рядом с холопом, т.е. входит в состав челяди» (Греков, 188).

Слово: хопе – несомненно ошибка, вместо: хо(ло)пе. В Археографическом списке читаем: «А в смердь и в холопе». Некоторые историки читали это место, как «а в смердьи в холопе», и вели спор о холопе смерда, смердьем холопе, но тогда непонятно, почему в княжеском законодательстве упомянут смердий холоп (как думает Сергеевич), а нет ни княжеского смерда, ни княжеского холопа, составлявших основную рабочую силу княжеского хозяйства. Между тем указанное чтение могло зависеть от того, что при отсутствии в древних рукописях разделения на буквы и близости написания «ять» и «ерь» писец Археографического списка по-своему понял текст. Так его поняли и составители Пространной Правды (статья 13), где читаем: «а за смердии холопъ».

В литературе по поводу этого чтения имеются решительные разногласия. Гетц переводит: *und bei einem Bauernsklaven* (11, 13), т.е. за смердьего холопа (как обычно, следуя Сергеевичу); Б.Д.Греков и С.В.Юшков отвергают такое толкование. «Все попытки устранить имеющуюся в литературе несообразность в установлении одинакового вознаграждения за убийство смерда и холопа должны быть признаны неудачными... Выводы, полученные нами из анализа ст. 7 (11), устанавливающей вознаграждение за убийство смердов, не только указывают на существование ограничений в защите их жизни по сравнению с другими разрядами свободных людей, но вместе с тем дают возможность установить ряд других интересных моментов в их правовом положении по Русской Правде» (Юшков, 107). Соглашаясь в основном с Юшковым, следует отметить, что в летописи смерды и холопы также ставятся в одно положение. На съезде в Уветичах (1100 г.) князь говорили: «холопы наша выдаите и смерды» (ПВЛ, 181). В княжеском хозяйстве, о котором говорит Правда Ярославичей, положение холопов и смердов, работавших на земле, было почти одинаковым. Впрочем, под «смердьим холопом» нет необходимости понимать какого-то холопа, принадлежавшего смерду. «Смердий холоп» – это тот холоп, который занят и хозяйстве и выполняет работу смерда, то есть, обрабатывает землю (см. различные наименования холопов: беглый, боярский, «збой», «по ключу», обельный, и т.д. – «Материалы для терминологического словаря». М., Л., 1937, стр.384–385). «Смердьи холопы» Правды Ярославичей, вероятно, обозначают ту челядь, которая обрабатывала княжескую землю под присмотром тиунов и старост.

#### 24. Аще роба кормилица, любо кормиличиць 12.

Кормиличич – молочный брат. Следует отличать от кормильца или княжеского воспитателя, имевшего большое значение в феодальном обществе. Кормиличич вел. князя Василия Дмитриевича упоминается в 1390 г. (ПСРЛ, XVIII, 140). Кормилица и ее сын кормиличич выделены повышенной вирой за их убийство, как люди близкие к князю. Вероятно, Правда Ярославичей упоминает о них и связи с действительным фактом убийства княжеских приближенных во время восстаний 1068–1071 гг.

#### 25. А за княжь конь, иже тои (а) с пятномъ, 3 гривне; а за смердеи 2 гривне.

К. ст.25. а) «тои» нет.

26. За кобылоу 60 резань, а за волъ гривноу, а за коровоу 40 резань, а третьякъ 15 коунъ, а за лоньщиноу полъ гривне, а за теля 5 резань, за яря ногата, за боранъ ногата.

Здесь мы имеем прямое указание на то, что смерды имели свое хозяйство; «наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде» (И.В.Сталин. Вопросы ленинизма. Издание 11-е, 1952, стр.595).

При переводе стоимости скота на резаны, из расчета 1 гривна = 20 ногат = 25 кун = 50 резан, или ногата = 2½ резаны, а куна = 2 резанам, получаем следующую шкалу взысканий за кражу скота: кобыла=60, вол=50, корова=40, третьяк=30, лоньщина=25, теля=5, яря=2½, баран=2½ резаны.

В дополнительных статьях о резах (процентах) в Карамзинском списке скот оценен таким образом: кобыла – 3 гривны (150 резан), корова третьячица – гривна (50 резан), лоньщина – полгривны (25 резан), овца – 6 ногат (15 резан). Следует, однако, заметить, что в статье о резах идет речь о стоимости скота, а в Правде Ярославичей – о продажах в пользу князя за украденный или погубленный скот. Вероятно, Правда Ярославичей первоначально кончалась статьями о штрафах за кражу скота. Дальнейшие статьи, продолжающие Правду Ярославичей, заимствованы в нее из памятника особого характера. Доказательство этому мы можем видеть в следующем. Продолжение Правды Ярославичей отличается чрезвычайной пестротой по своему денежному счету. Например, за кражу голубей и кур устанавливается платеж в 9 кун без упоминания о продаже в пользу князя. Наряду с этим платеж в 30 резан и продажа в 60 резан установлены за кражу гусей, уток и лебедей и т.д. По-видимому, статьи, продолжающие Правду Ярославичей, соединены по крайней мере из двух источников. Далее, статьи, продолжающие Правду Ярославичей, отличаются еще одной замечательной особенностью: по своей терминологии они ближе к Древнейшей Правде, чем к Правде Ярославичей. Достаточно сказать, что начало этих статей является дословным повторением двух статей Древнейшей Правды («А оже оуведеть чюжь холопъ, любо робоу, платити ему за обиду 12 гривне. Аще же приидеть кровавь моужь любо синь, то не искати ему послоуха»). Наконец, между Правдой Ярославичей и статьями, ее продолжающими, имеются противоречия необъяснимые, если тот и другой памятник возводить к одному и тому же составителю. Так, по Правде Ярославичей за убийство огнищанина и тиуна платят 80, а за убийство смерда – всего 5 гривен. В статьях, продолжающих Правду Ярославичей, соотношение другое. За муку смерда платится 3, а за муку огнищанина и тиуна – только 12 гривен.

27. А оже оуведеть чюжь холопъ, любо робоу, платити емоу за обиду 12 гривне (а).

*Кст. 27. а) 2 гривне.*

28. Аще же приидеть кровавь моужь любо синь, то не искати ему послоуха.

Статьи 27–28 имеют сходство со статьями 2 и 10 Древнейшей Правды, но не являются их простым повторением, а заимствованы из другого, вероятно, более позднего источника, хотя и близки к Древнейшей Правде. Так, за увод чужого холопа по 27-й статье платится уже 12 гривен, а по Древнейшей Правде – всего 3. Слово видок заменено обычным послоух. Обе рассматриваемые статьи не принадлежат к Правде Ярославичей и говорят не о княжеских людях, как показывают слова: «платити емоу за обиду 12 гривне».

29. А иже крадеть любо конь, любо волы, или клетъ, да аще боудеть единъ краль, то гривноу и тридесять резанъ платити емоу; или ихъ будеть 18, то по три гривне и по 30 резанъ платити моужеву.

По словам Татищева, в Ростовском летописце положено с каждого вора по 3 гривны и 30 резан. То же находим и в Пространной Правде (статья 37): «всемъ по 3 гривны и по 30 кунъ». Слова: «или их будеть 18» – в рукописи написаны как: «иі», что может быть прочтено цифрами (18) или как: «и 10», так как і=10. В этом случае смысл статьи будет такой: хотя бы их было и 10. Действительно, далее (ст. 40) читаем: «а ихъ боудеть 10 одиоу овьцоу оукрале». Впрочем, имеется мнение, что один вор платит меньше, потому что степень опасности преступления усиливается, если действует целая шайка. Цифра 18 могла возникнуть как запись какого-либо случая из действительной жизни, когда воров было 18 человек.

30. А въ княже борти 3 гривне, любо пожгоуть любо изоудроуть (а).

*К ст. 30. а) издероуть.*

Бортъ можно было выжечь или расколоть для того, чтобы достать мед. В Вислицком (польском) статуте 1347 г. имеется постановление: «А кто кому дерево зрубить со пчелами, имеетъ заплатити гривну тому, чии пчолы, и другую судове гривну; а кто бортное дерево зрубить безъ пчоль, то полгривны заплатити, а судове другую полгривны» (АЗР, т. I, №2). В делах 1376 г., относящихся к Белоруссии, читаем: «не ведати хто обычаемъ злодейскимъ одны бчелы корень выдраль, другие подлазиль» (АВК, т. XVIII, 25).



31. Или смердь оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны.

Мука – в данном случае пытка и незаконный арест, обычно сопряженный с мучительством. В Белоруссии XVI в. мукою называлась пытка, различавшаяся по степеням: первая, или низшая, состояла в том, что били дубцом (розгами), высшая заключалась в пытке огнем (АВК, т.XVIII, 25). В нач. XIV в. немцы жаловались витебскому князю Михаилу, что княжеский детский взял одного купца и «не ведя его к тебе, княжо, жо к собе в ыстобку, и ту порты с него снемъ за шию оковаль, и руки и ноги, и мучиль его такъ, как то буди богу жяль» (Рус.-Лив. Акты, стр.27).

32. А въ гнищанине, и в тивоунице, и въ мечниці 12 гривне.

33. А иже (а) межоу переореть либо перетесь (б), то за обиду 12 гривне.

*К ст. 33. а) Аще кто, б) сопретесь.*

Гетц определяет, что в статье говорится о двух видах межевых знаков. Борозда или канавка могут быть перепаханы, а межевой знак на дереве уничтожен и вместо него сделан другой (Гетц, II, 104–105). Это и будет перетес. В Судебнике 1550 г. так и читаем: «а кто сорет межу или грань ссечет» (Судебники XV–XVI веков. М., Л. 1952, стр.172). П.Н.Третьяков отмечает, что «в XI–XIII вв. поля имели совершенно определенные границы и представляли собой, несомненно, систематически вспахиваемые пространства» (История культуры древней Руси, I, 61). Таким образом, эта статья указывает на защиту собственности на землю в древней Руси.

34. А оже лодью оукрадеть, то за лодью платити 30 резань, а продажи 60 резань.

35. А въ голоубе и въ коуряти 9 коунь.

36. А въ оутке, и въ гоусе, и въ жераве, и въ лебеди 30 резань; а продажи 60 резань.

Замечательно, что статьи 34-я и 36-я устанавливают пеню в 30 резан и продажу в 60 резан, тогда как 35-я и 39-я статьи говорят только о 9 кунах; вероятно, это различие зависит от разных источников, из которых заимствованы эти статьи. Журавли и лебеди подавались в древности на пирах. В слове о богатом, имеющемся уже в рукописи XII в., помещено описание «пира»: «на обеде же многа служба (сосуды) златыя и сребренная, вина много, тетерева, гуси, лебеди, жерави; ряби, голуби, кури, зайци, елени, свиния мяса» (А.И.Пономарев. Памятники, вып. III, стр.280).

37. А оже (а) оукрадоуть чюжь песъ, либо ястребъ, либо соколъ, то за обиду 3 гривны.

*К ст. 37. а) вместо «а оже» в Археографическом «аще».*

Здесь имеется в виду кража охотничьих животных (пес, ястреб, сокол).

38. Аще (а) оубьють татя на своемъ дворе, либо оу клети, или оу хлева, то тои оубить (б); аще ли до света держать (в), то вести его на княжь двор; а оже ли оубьють, а люди боудоуть (г) видели связанъ, то платити в немъ.

*К ст. 38. а) аще ли, б) то тои оубить и есть, в) аще паки держать его до света, г) «боудоуть» нет.*

Можно безнаказанно убить вора на своем дворе или у строения (клети) или хлева до рассвета; после рассвета связанный вор должен быть отведен на княжий двор. Если же вор будет убит после рассвета, то убийцы платят за него продажу в пользу князя, так как расправа с ворами входит в княжескую компетенцию. Замечательно указание на княжий двор как место расправы. Княжий двор был или в городе, или в княжеской вотчине. Калачов указывает на сходную статью в Законе Судном людем; «аще в подкопание застанется тать ти язвлен умереть, несть ему убоя. Аще ли взнидеть солнце... – повинень есть». Это постановление взято в Закон Судный людем из Библии (Н.В.Калачов. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846, стр.141). Татищев говорит, что после этой статьи в Ростовской летописи было помещено следующее: «оже убиень тать, а подымуть ноги во дворе, ино убить, оли подымуть ноги за ворота, толи платити в немъ» (Татищев, 20). Возможно, что вместо слов «во дворе» следует читать «во дворе». Смысл этой статьи заключается в стремлении предотвратить возможность обвинения в краже в качестве предлога для убийства.

39. Оже (а) сено крадоуть, то 9 коунъ; а въ дровехъ 9 коунъ.

*К ст. 39. а) А хто.*

40. Аже оукрадоуть овъцоу или козоу, или свинью, а ихъ боудеть 10 одиному овъцоу оукрале, да положить по 60 резанъ продажи; а хто изималъ, томоу 10 резанъ.

Калачов и Владимирский-Буданов считают слова: «а хто изималъ, томоу 10 резанъ» – началом новой статьи. Но по смыслу эти слова должны являться концом 40-й статьи, как на это указал Сергеевич, а вслед за ним Юшков.

41. А от гривни (а) мечникоу коуна, а в десятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а от 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривенъ.

*К. ст. 41. а) В подлиннике «грние», причем расстояние между н и е несколько больше обычного. В Археографическом списке – «гривне».*

М.Ф.Владимирский-Буданов соединил эту статью с концом предыдущей. «При продаже в 60 резан емец получает 10 резан; при продаже в 3 гривны мечник (может быть то же, что емец) получает не 1 куну, а, вероятно, 15, князь же цельные 3 гривны. Поэтому при трехгривенной продаже взыскивалось не ровно 3 гривны, а больше, именно 3 гривны 30 кун, ибо сверх того в десятину шло 15 кун». Но емец и мечник совсем не одно и то же; к тому же Владимирский-Буданов считает по 50 кун в гривне, тогда как (см. ст.26) в Краткой Правде расчет ведется по 25 кун в гривне (см. прим. к ст.27). Наконец, в тексте показана девятина. Впрочем, Владимирский-Буданов всюду читает только десятину, как и Гетц (und als Zehnten, 1, 17). С этим можно согласиться, считая термин девятина простой опiskой (девятина – церковное поминовение покойников на 9-й день после их кончины), но десятина могла и не соответствовать 1/10, а быть несколько больше; в данном случае равняться 1/5 (князю 3 гривны, т.е. 75 кун, в десятину – 15 кун, князю – 10 гривен, в десятину – 2 гривны). Уже Гетц (II, 147) отметил, что упоминание о десятине в Краткой Правде является единственным прямым указанием, что Русская Правда возникла в эпоху христианства. Впрочем, указание на христианский период имеется и в следующей статье Краткой Правды. Гетц считает слово емец или емечь ошибочным написанием вместо мечник. Но это неверно. Слово куноемец встречается в проекте договора Смоленска с немцами: «оже оуръветь борода немъчиць бояриноу, или коуноемъчи, дати емоу 5 гривен серебра» (Рус.-Лив. Акты, стр.452).

В Новгороде в слое X–XI вв. найден тщательно сделанный деревянный цилиндр (длина – 9 см, ширина – 6 см) с двумя взаимно перпендикулярными сквозными каналами; на нем надпись и знак киевских великих князей. Надпись гласит: «емъця гривны 3» (Вопросы истории, 1951, №12, А.Арциховский. Новые открытия в Новгороде, стр.85).

42. А се поклонъ (а) вирный: вирникоу взяти 7 ведоръ солодоу на неделю, тъже овень любо полоть, или две ногате; а въ средоу резаноу, въже сыры, в пятницу тако же; а хлеба по колькоу моугоуть ясти, и пшена; а куръ по двое на день; коне 4 поставити и соуги имъ на ротъ, колько могоуть зобати; а вирникоу 60 гривенъ и 10 резанъ и 12 веверици; а переде (б) гривна; или ся пригоди в говение рьбами (в), то взяти за рыбы 7 резанъ; тъ всехъ коунъ 15 коунъ на неделю, а борошна колько могоуть изъести; до недели же вироу сбероуть (г) вирници; то ти оурукъ Ярославль.

*К ст. 42. а) поклонъ, б) переде, в) рыбами, г) в подлиннике: вироуть, и другим почерком на полях добавлено: «зберу»; в Археограф, «сбероуть».*

Покон или поклон вирный – устав для вирника. Слово вира неправильно производят из скандинавских языков («vegr» – в сложных словах, например, vergeld – Карский, 93), так как распространено и русское слово вера (в новгородском произношении вира) в смысле клятвы, обещания. Гетц (II, 159) рассматривает вирника как судью. Но это мнение большинством исследователей не разделяется. Правильнее в вирнике видеть сборщика пошлин, в первую очередь вир в пользу князя. В грамоте Новгорода великому князю Василию Темному на черный бор по Новоторжским волостям (половина XV в.) находим нормы, очень близкие к Русской Правде: «а кормъ съ десяти сохъ князя великого черноторцемъ взяти тридцать хлебцовъ, баранъ, а любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бекаръ соли; а

коневое корму пять коробей овса в старую коробью, три возы сена с десяти сохъ, какъ пошло; по две подводы отъ стану до стану. А брати имъ, куды и переже сего черноборци брали, по старине» (ААЭ, т.I, №32). Вирники должны собрать виру до недели, т.е. до воскресенья, в течение недели. Гетц (IV, 167), как и Сергеевич, считает, что Пространная Правда определяет срок пребывания вирника словами: «дондели же сберуть вирници», т.е. пока не соберут виры. Но такого чтения нет в текстах Краткой Правды (Академическом и Археографическом), оно внесено Сергеевичем в текст Правды совершенно произвольно (Сергеевич. Русская Правда в четырех редакциях. СПб., 1904, стр.7). Обычно время пребывания феодалов или их тиунов было ограничено определенным сроком. Даже подъезд архимандрита Юрьева монастыря в Робичинскую волость был ограничен – «стояти ему на стану две ночи» (Грамоты Великого Новгорода, 174). Ссылка покона вирного на Ярослава («то ти оурокъ Ярославль») многими исследователями считается подтверждением того, что покой возник уже во времена Ярослава. Между тем эта ссылка скорее указывает на более позднее время, когда имя Ярослава как законодателя стало особенно известным, а самого Ярослава не было уже в живых, то есть после 1054 г.

43. А се оурокъ мостъниковъ (а): аще помостивше мость, взяти от дела ногата, а от городниции ногата; аще же боудеть ветхаго моста подтвердити неколико доскъ, или 3, или 4, или 5, то тое же.

*К ст. 43. а) мостникомъ.*

Соболевский и Стратонов думают, что речь идет о мосте на реке, и ссылаются на то, что такой мост был в Новгороде. Но мосты через реки были и в других городах. В 1116 г. «устрои мост чересь Днепръ Володимиръ» (Ип. л.). Городница (устой) большого моста не может равняться по цене 3–5 доскам. Может быть, правильнее думать, что речь идет о городских мостовых. В Новгороде забота о мостовых вызвала появление Устава Ярослава о мостех, памятника конца XII или первой половины XIII в. (см. приложения). При раскопках в Новгороде найдено несколько настилов мостовых. В Новгородском Кремле, на территории б. Пискупли (т.е. епископской) улицы «открыта деревянная дорога, включающая в себя три ряда тонких бревен, имевших в основании лаги. Существовала она на протяжении более полутора столет, с конца X до XII вв., и постоянно поддерживалась при помощи частичной замены обветшавших и попорченных частей» (Л.А.Строков и В.Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр.240).